

Сергей
Снегов

*Мне
отмщение*

Сергей Снегов
Мне отмщение

«СОЮЗ»

2010

Снегов С. А.

Мне отмщение / С. А. Снегов — «СОЮЗ», 2010

ISBN 978-5-6049168-4-1

Сергей Снегов известен в первую очередь как писатель-фантаст, автор знаменитых романов «Люди как боги» и «Диктатор». Мы бы хотели познакомить вас с Сергеем Снеговым – драматургом. По своему собственному определению он написал три трагедии духа и три трагедии быта. Пьеса «Мне отмщение...» – из трагедий духа. История, ставшая пружиной действия, реальна – и одно это способно полностью поменять наше представление о той эпохе и людях, в ней живших. Москва, 1955 год. Из лагеря возвращается давний друг главного героя – профессора Белогорова. Возвращается с одной лишь целью – отомстить всем тем, кто причастен к его аресту. Но всего за один вечер он понимает, что мстить собственно и некому. Нет хороших и плохих, нет героев и преступников, все гораздо сложнее привычной нам двоичной системы: да-нет, герой-предатель, белое-черное. Всегда есть полутона, оттенки и люди, которым довелось жить именно в это время и в этой стране.

ISBN 978-5-6049168-4-1

© Снегов С. А., 2010

© СОЮЗ, 2010

Содержание

На три круга	6
Круг первый	7
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Снегов
Мне отмщение... Современная
трагедия в старом духе

© Т.С. Ленская
© Е.С. Ленский
© ИП Воробьев В.А.
© ООО ИД «СОЮЗ»

На три круга

Действующие лица

Леонид Парфенович Белогоров, генерал-лейтенант медицинской службы, заслуженный деятель науки, профессор, доктор и прочая.

Надежда Емельяновна Белогорова, его жена.

Марина, их дочь.

Тарасовна, домработница, очень своя в доме.

Кирилл Петрович Трофимов, врач.

Софья Семеновна Сердюкова.

Действие совершается на даче Белогорова, километрах в ста от Москвы, в течение вечера и ночи.

Место действия – гостиная. В ней всё, что принято размещать в парадной комнате благоустроенной дачи: телевизор, почти всегда бездействующий; радиола; диван с торшером; круглый столик; этажерка с книгами, на ней – телефон; две-три картины и – особо, как важнейшая часть обстановки, – цветы на деревянной, в три уступа, подставке. Впрочем, цветов хватает и без тех, что на подставке: на дворе июнь 1955 года.

Круг первый

Игра начинается – делайте ваши ставки!

Тарасовна ходит по сцене, прибирается, перекладывает предметы с места на место. Сегодня суббота – семья должна приехать на дачу. Уже с полчаса, как прошла электричка – но от станции два километра. Тарасовна поглядывает на часы, качает головой.

Ей кажется, что ее терпение нарочно испытывают – и она заранее сердится.

Звонит телефон, Тарасовна спешит к нему. Ее плохое настроение сказывается и на разговоре.

Тарасовна. Маринка, ты? Вот же беспутные, так задерживаться! Не Маринка? Да, квартира Белогорова, дача, да. Нету хозяев, нету. Кого? Отродясь о таком не слыхала. Да нет же, говорю, нет у нас Трофимова, никогда не бывало. И в гости не ждем. Леонид Парфеныч придет с минуты на минуту. Ладно, звоните, только дело это напрасное, да! *(Кладет трубку.)* Вот же настырная...

Вбегает Марина – не то еще девочка, не то уже девушка. Она, естественно, считает себя взрослой.

Марина такая живая и говорливая, что не замечаешь, красива она или нет.

Марина. Тарасовна, приветик!

Тарасовна. Одна?

Марина. Вдвоем.

Тарасовна. Никого не вижу.

Марина. А голод? Второй час терзает. Дай заморить червячка!

Тарасовна. Пойди умойся.

Марина. Необязательно.

Тарасовна. У меня обязательно!

Марина *(напевает, вальсируя)*. Тарасовна, у меня ноги не ходят! Ах, какие цветы... *(С чувством.)* Что за чудо наша дачка, Тарасовна! *(Декламирует.)* Вновь я посетил тот уголок земли, где я провел изгнанником два года незаметных... Всю неделю мечтала, что в субботу поеду сюда. На речке купаются? Достанешь утром купальник! Голубенький, с прошлого года. Тарасовна, совесть у тебя есть?

Тарасовна *(любуется)*. Ноги не ходят, а танцуешь?

Марина. Танцевать я могу и голодная. Единственный способ заглушить муки голода.

Тарасовна. И языком молотишь.

Марина. А чем мне молотить? Хвостом? Или руки в ход пускать? *(Целует Тарасовну.)* Ты меня доведешь до безумия. Спроси папу – он тебе разъяснит, что от голода человек тупеет. Так что будет?

Тарасовна. Ужин.

Марина. А до ужина?

Тарасовна. Колбаски найду, если предъявишь чистые руки.

Марина. Ради колбасы можно.

Убегает, напевая. Тарасовна готовит бутерброд. Марина возвращается и хватает его со стола.

Тарасовна. Почему одна?

Марина. Мама с уважаемым Леонидом Парфенычем приедут на машине: на электричку они не успели.

Тарасовна. А ты не с ними?

Марина. Как видишь, дорогая Тарасовна.

Тарасовна. С мальчишками ехала? Все провожатые!

Марина. Попутчики.

Тарасовна. Ухажеры.

Марина. Приятели, так скажем. В нашей школе подбор мальчишек неудачный. Сплошь молчаливики или трепачи, на воздыхателей не тянут. Или рожи строят, или лапы суют.

Тарасовна. Как ты сказала?

Марина. Ну, на поклонников... Тебе непонятно?

Тарасовна. Я насчет лап и рож. Не люблю таких слов!

Марина. Думаешь, я люблю? Но к мальчишкам нашей школы только такие слова подходят. Всё иное – лакировка действительности.

Тарасовна. Разговаривать с тобой!..

Марина. И мальчишки это же говорят. Я жуткая реалистка. Чтобы не разочаровываться, твердо решила не очаровываться.

Тарасовна. А провожать тебя за сто верст едут...

Марина. Пустяки! Со следующей электричкой вернутся.

Тарасовна. И так каждый раз!

Марина. Всего один день в неделю.

Входят Надежда и Белогоров. Ей лет сорок, ему сорок пять. Он высок, красив, благообразен, значителен. Она проста и сердечна. Неважно, красива она или нет, элегантна или мешковата. Как в дочери всё забывает порывистость и говорливость, так в Надежде всё поглощается женственностью. У нее мягкий, на полутонах, голос – такие голоса всегда называли милыми. Это словечко, вероятно, точнее всего определяет сущность Надежды: она мила.

Надежда. Маринка! Перед ужином!

Марина. Всё в порядке, мама. Заправляюсь перед дальним походом к столу.

Надежда. Смотри, если потом не будешь есть!..

Марина. Никаких потом! До ужина я еще дважды проголодаюсь.

Надежда. Как в саду, Тарасовна?

Тарасовна. Розы расцвели. А сирень уже отошла...

Надежда. Пойдем в сад, Леня.

Белогоров. Иди одна, я отдохну у себя перед ужином.

Надежда. Работать будешь? Сегодняшний вечер – только наш!

Белогоров (*смеется*). А разве не все вечера – наши?

Надежда. Да, когда они наши. Я тебя вижу лишь в электричке, в машине и здесь, на даче, за ужином и обедом.

Белогоров. Удивительное совпадение! Именно в это время и я тебя вижу.

Тарасовна. Еще в клинике встречается...

Надежда. В клинике мы не встречаемся, а работаем: он дает указания, я исполняю. Лёничка, не садись за статью. Тебя потом не оторвать, а я, честное слово, очень голодна.

Тарасовна. Ужин готов. Через три минуты можно есть.

Марина. Если три минуты, то пройдет ровно тридцать, пока усядемся за стол. Какая я умная, что перекусила!

Белогоров поднимается вверх, Надежда и Тарасовна скрываются за внутренней дверью. Марина, напевая, вальсирует вокруг стола. Опять звонит телефон.

Да, квартира профессора Белогорова. Я – Марина, дочь. И папа, и мама приехали, да. Кого позвать? Такого нет. Нет, и не слышала о нем. Если бы папа кого ждал, он сказал бы. Хотите, позову папу – он сам объяснит. Пожалуйста, ваше дело. Последняя электричка приходит в одиннадцать сорок – согласитесь, в гости поздно. Я всё-таки позову папу или маму, они, возможно, знают Трофимова. Как хотите. Не стоит благодарности.

Входят Надежда с Тарасовной.

Надежда. Кто звонил?

Марина. Какая-то женщина со станции. Узнавала, нет ли у нас Трофимова.

Надежда. Какого Трофимова?

Марина. Какой-то ваш с папой знакомый.

Тарасовна. И меня о Трофимове дама допрашивала – наверное, та самая.

Надежда. Может, из бывших наших больных? По-моему, был один полковник Трофимов, ему Леня делал резекцию желчного пузыря, я – ассистировала. Два камня с голубиное яйцо, полсотни с горошину, масса песка. И он живет не то в Коломне, не то в Зарайске.

Тарасовна. Значит, явится с букетом – благодарить за выздоровление.

Надежда. Только бы не сегодня! Так не хочется посторонних...

Марина. Тебе понравилось в саду, мама?

Надежда. Такой воздух, такие краски, Маринка! Марина. Пойду полюбуюсь.

Тарасовна. Тебе лишь бы на стол не накрывать!

Надежда. Пусть идет, Тарасовна.

Надежда и Тарасовна раздвигают стол, ставят на него еду. Стук в дверь.

Тарасовна. Вот шальная! Уже с парадного хода зашла.

Стук повторяется.

Надежда. Марина, не дури!

Дверь открывается – и появляется Кирилл Трофимов. Он медленно идет к Надежде. Она ждет его, бессильно опустив руки, лишившись голоса. Узнает его она, понимает, сразу, но проходит несколько мгновений, прежде чем это скорее ощущение, чем знание становится отчетливым пониманием. Тарасовна, почувствовав, что воздух в комнате словно завибрировал, тоже немеет. Неподвижность и потерянности Надежды дают Трофимову возможность начать разговор именно так, как, возможно, он придумывал многие годы.

Кирилл. Не узнаешь, конечно?

Надежда (его голос выводит ее из оцепенения). Кирилл! (Бросается к нему, прижимается, дрожит, беззвучно плачет.)

Кирилл. Узнала... Ну, не надо, перестань! Прошу тебя, успокойся.

Надежда. Живой! Живой!

Кирилл. До смерти мне еще далеко. Смерть меня подождет, как выразился один мой собрат по судьбе.

Надежда. Живой, боже мой! Живой, живой!

Кирилл. Живой, здоровый, успешный... Вот только немолодой. Жизнь катится к старости.

Надежда. Тарасовна!

Тарасовна (*понимает с полуслова*). Сейчас позову. Мигом, мигом! (*С редким для нее проворством чуть ли не взлетает по лестнице.*)

Надежда. Не могу прийти в себя! Кир, ты? Неужели ты?

Кирилл. Привидения в двадцатом веке немодны.

Надежда. Боже мой, ты! И какой красивый, какой молодой! Как ты смеешь говорить о старости! Ты совсем не переменился, совсем!

Кирилл. Нет, Надя, я переменился. А если на внешности не сказалось, так потому, что в холодильнике, где я жил, всё живое консервируется.

Надежда (*слова его доходят до нее не сразу – она всё еще ошеломлена его неожиданным приходом*). В холодильнике?

Кирилл. В Заполярье. Морозы там зверские – жизненные процессы замедляются. А старение – главная функция жизни.

Надежда (*снова прижимается к нему, снова плачет*). Кир!

Кирилл. Успокойся, прошу тебя...

Сверху сбегает Белогоров, за ним спускается Тарасовна.

Белогоров. Кирилл, неужели ты?

Кирилл (*смеется*). А ты посмотри: может, не я?

Белогоров. Ты, конечно, ты! (*Троекратно целуются.*) Надя, он не переменился! Раньше был неприлично почтенен, сейчас неприлично молод. Ни морщинки, ни седого волоска!

Кирилл (*явно актерствуя*). Есть морщины, есть и седина – только они во мне, внутри, а не снаружи.

Белогоров. Понимаю. Сколько ты вынес!.. А мы уже...

Кирилл. Считали, что я умер? Знаю.

Белогоров. Столько лет – и ни словечка, ни весточки.

Кирилл. Десять лет в тюрьме – без права переписки. А потом... Об этом мы еще поговорим.

Белогоров. Обязательно поговорим! Ты у нас ночуешь, это ясно. А какие планы на завтра? На ту неделю? Надолго в Москву? И откуда ты, из каких дальних мест?

Кирилл. Леня, ты задал столько вопросов, что отвечать нужно весь вечер.

Белогоров. Тогда скорее ужинать! Шампанское у нас есть?

Тарасовна. Неужто же не быть!

Надежда. Кирочка, садись на диван с Леней, а мы быстро всё приготовим.

Кирилл. Может, помочь?

Белогоров. Занятие нехитрое – накрывать на стол. Управятся сами.

Мужчины садятся на диван.

Кирилл. Ты, я вижу, домашний деспот. Ввел сатрапическое правление, как говорили у нас на севере.

Белогоров. Сатрап из меня не очень... А вот не мешать – просят.

Кирилл. А ты этим пользуешься. Удобно прикидываться неумехой?

Белогоров. Только в хозяйственных делах. Моя единственная привилегия – ничего не понимать в хозяйстве. В остальном я в общем нормальный человек, да и работник без особых нареканий.

Кирилл. Скромничаешь! Думаешь, в своей глуши я разучился читать по-русски? Знаешь, как у нас называется твой «Курс хирургии внутренних органов»? Библией скальпеля! Настольная книга в клиниках. Я внимательно следил, как ты поднимался до всесоюзной знаменитости. Ступенька за ступенькой, ступенька за ступенькой...

Белогоров. Какая там знаменитость! Именитость – это да, на это я еще соглашусь. Чины и звания – только и всего.

Кирилл. Лауреат Сталинской премии всё-таки...

Белогоров. Мало ли кому эти премии давали! Подошла моя очередь получать – получил. Вроде выслуги лет.

Надежда. Леня, не скромничай! Если кто и получил премию не за выслугу, а за заслугу – так это ты.

Кирилл. Полностью поддерживаю – как врач-практик и один из незаметных учеников и почитателей профессора Белогорова. Между прочим, на севере я первый оперировал желчные протоки по твоему методу. И не одному человеку продлили жизнь твои искусственные желчевыводящие трубы.

Белогоров. Не понимаю, Кир! Следил за моей работой, читал мои книги, даже оперировал по моему методу, а чтоб словечко написать, хоть уведомить, что жив, – нет!

Надежда. Ты ведь не мог не знать, как мы мучаемся от неизвестности! Я начинаю думать, что ты жестокий человек, Кир. Не сердись – я шучу, я знаю, какой ты добрый.

Кирилл *(смеется)*. Загадка, правда? А я вовсе не добрый, а жестокий и непреклонный. Я вообще узнал о себе много нового...

Надежда. Ты не можешь быть таким.

Кирилл. Я стал таким. Говорю тебе: я переменялся. Или, точнее, развился. Реализовал изначально заложенные во мне гены жестокости и прямоты.

Надежда. Прямо ты был и раньше, а вот насчет генов жестокости...

Белогоров. Насчет генов скажу я. У нас в институте шутят: назовите неприличное слово из трех букв, при упоминании которого все биологические дамы (с бородами и без) краснеют и опускают глаза. Ответ: ген.

Кирилл. Во второй четверти двадцатого века шарахались от многих слов. *(Патетически.)* Но близится очистительное время пронзительных признаний и справедливых кар! *(Он говорит искренне – но в его голосе столько неуместного и какого-то провинциального пафоса, что все замолкают. Первой спохватывается Надежда.)*

Надежда. Ты не говоришь, а пророчествуешь.

Кирилл *(сбавляя тон и даже пытаясь шутить)*. А по натуре я и есть пророк. Правда, диплом врача почему-то затушеввал для окружающих это внутреннее мое пророческое естество.

Белогоров. Я всё-таки повторю свой вопрос. В тюрьме у тебя не было связи с внешним миром, согласен, но потом? К профессии хирурга ты возвратился, сколько я понимаю, не в тюрьме, а в лагере. Из лагеря можно было написать в Москву!

Кирилл. Я уже ответил: мы об этом еще поговорим. А чтоб разжечь твое любопытство, скажу: причины, по которым я молчал, – это такой детектив, что и Честertonу не снилось! У него человек был только четвергом, а я теперь – все дни недели.

Надежда. Не понимаю...

Кирилл *(он всё-таки не может удержаться от многозначительности)*. Скоро поймешь.

Из сада возвращается Марина. Она с удивлением смотрит на Кирилла.

Надежда. Кирилл, это наша дочь Марина. Маринка, подойди. Из далекой, несправедливой ссылки возвратился наш старый друг, самый близкий мне и папе человек – Кирилл... Прости, я вдруг забыла твое отчество.

Кирилл. Петрович.

Надежда. Кирилл Петрович Трофимов. Люби и уважай его, как мы с папой любим его и уважаем. Он заслуживает и любви, и уважения!

Марина подает руку.

Кирилл. Так вот ты какая, Маринка! Похожа сразу на мать и на отца. А еще говорят, что ген – неприличное слово! *(Оборачивается к Белогорову.)* Родилась в тридцать девятом?

Белогоров. В августе тридцать девятого.

Тарасовна *(она явно ощущает важность момента)*. Кушать подано! Пожалуйте к столу.

Надежда. Кир, ты сюда, на почетное место. Ты напротив, Леня.

Рассаживаются. Белогоров открывает шампанское, разливает в большие фужеры.

Белогоров. Первый тост – за тебя, за твое появление у нас.

Кирилл *(смеется)*. За мое воскрешение из мертвых?

Белогоров *(не признавая ироничного тона, горячо)*. За ту радость, что нам доставило твое появление, за счастье знать, что ты живой и здоровый!

Надежда. За тебя, Кир, за тебя! *(Залпом выпивает шампанское, за ней – остальные.)*

Марина. Мама, ты никогда так не пила!

Надежда. У меня никогда не было такой радости, как сегодня, дочка. Сегодня ты увидишь свою маму пьяной.

Кирилл. Я бы предпочел видеть тебя трезвой, Надя.

Надежда. А я уже пьяная! Я пьяная оттого, что ты здесь, что я могу на тебя смотреть. Любоваться могу. Оттого, что ты такой, как раньше, ну, ни капельки не изменился, только пополнил немного!

Белогоров. А я растолстел, как видишь.

Кирилл. В меру возраста.

Белогоров *(похоже он заразился резонерством Кирилла)*. Настоящий возраст измеряется не годами, а событиями. Ошибками, горем, радостью...

Кирилл *(радостно подхватывает предложенный тон)*. Теперь ты понимаешь, почему я мало изменился? Меня заботливо оберегали от событий, радостей я не припомню, а горе было всегда – и такое однообразное, что мы к нему привыкли.

Надежда. Я хочу пить! И тост теперь скажу я. Налей шампанского, Леня!

Белогоров *(с состраданием смотрит на жену)*. Может, не будем торопиться, Надя? Ты бы поела...

Надежда. Нет, будем торопиться! Прошу всех встать. Я пью за Кирилла, за нашего Кира, за самого хорошего человека, которого я знала. За умного, доброго, пламенного Кира, красивого и нежного, в которого я была без памяти влюблена – и думала, что уже никогда не увижу. А он вернулся, такой же красивый и необыкновенный, – вот он. Пьем за тебя, пьем до дна! И ты пей до дна, Леня, не ревнуй и пей.

Белогоров. Разве ты не помнишь, что я никогда не ревновал тебя к Киру? Он настолько превосходил всех нас, что глупо было бы к нему ревновать.

Надежда. Спасибо, Леня! Пьем, пьем!

Марина. Мама!

Надежда. Пей, дочка! Сегодня и тебе можно. До дна, все до дна!

Кирилл. Спасибо!

Все пьют. Марина дотрагивается до локтя матери.

Марина (*тихо*). Мама!

Надежда. Говори громче.

Марина. Ты сказала, что была без памяти...

Надежда. Влюблена в Кира? Ну конечно – была! Ты бы тоже влюбилась, если бы знала его тогда. Я была невестой Кира.

Белогоров. Надежда, не всё нужно знать нашей дочери.

Надежда. А что мне скрывать от нее? В моем прошлом нет ничего, чего надо стыдиться. Если бы судьба не разлучила нас с Киром, он был бы моим мужем и ты имела бы другого отца, Маринка.

Марина (*враждебно*). Мне не надо другого отца.

Надежда. Правильно, отец у тебя хороший, лучше быть не может. И муж Леня замечательный, мне не в чем его упрекнуть. Просто всё могло быть по-другому! Всё могло быть по-другому! Выпьем еще, дорогие мои!

Белогоров. Надя, тебе не надо пить.

Кирилл. И мне что-то не хочется...

Надежда. А я – выпью! (*Пьет.*) Вы думаете, я пьяная? Вы боитесь, что я наговорю лишнего? Глупые, я пьяна не от шампанского, а от необыкновенного сегодняшнего события. И лишнего я не скажу, у меня просто нет ничего лишнего, всё во мне вы знаете, только Маринка не знает, но она уже взрослая, она поймет. Ты поймешь, Маринка?

Марина. Я всё понимаю, мама.

Надежда. Она всё понимает! А ты, Кир, должен знать... Всё могло быть по-иному, но получилось так. И я счастлива. И всегда была счастлива – если бы не твой арест. Потому что Леня такой человек... Он такой человек, Кир!

Кирилл. Разве я не знаю Леонида?

Белогоров. Прошу тебя, Надя, не говори обо мне.

Надежда. Как вы боитесь меня! У вас у всех глаза испуганные. Говорю вам, я не скажу ничего, что вам неизвестно. Я так счастлива, что ты живой и здоровый, Кир! (*Закрывает лицо руками и плачет, упав головой на стол.*)

Марина (*отчаянно*). Маме плохо! Маме плохо!

Тарасовна. Надо было тебе напиться!

Белогоров. Тихо, тихо, сейчас всё пройдет. Нервы, друзья, нервы! Наденька, возьми себя в руки, очень прошу...

Кирилл. Похоже, я сделал большую глупость, когда не предупредил о приезде.

Белогоров. Выпей воды, Надя.

Надежда. Да, пожалуйста, дай мне воды. (*Пьет и плачет.*) Не обращайтесь внимания. (*Плачет.*) Я сейчас... Я полежу на диване. Помогите мне, Леня.

Белогоров и Тарасовна ведут Надежду к дивану. Кирилл стоит, опустив голову. Белогоров подкладывает жене подушку под голову, по привычке щупает пульс.

Марина. Папа, я принесу лекарства. Что нужно?

Белогоров. Ничего. Внезапное потрясение, к тому же три бокала шампанского – один за другим. Через пять минут твоя мама встанет здоровей прежнего.

Кирилл. Леонид, я этого не хотел...

Белогоров. Конечно, не хотел, чужак. И плохого тоже ничего нет. Выпьем?

Кирилл. Пока не хочу.

Тарасовна. Убирать, что ли?

Белогоров. Оставь закуски и бутылку. А тебе, Маринка, задание – спать.

Марина. Я не уйду, пока мама не встанет.

Белогоров. Маринка, тебе давно пора.

Марина. Можешь сердиться сколько хочешь, а я не уйду, пока маме плохо. И я уже не маленькая, не будет катастрофы, если лягу на час позже.

Надежда (*поднимается*). Вот я уже встала, не нужно ссориться. Можешь спокойно отправляться спать.

Марина. Тебе на самом деле лучше, мама?

Надежда. Мне не лучше – мне хорошо. Я давно, давно уже не была такой счастливой! Можешь мне поверить, дочка.

Марина. Ты вдруг так побледнела...

Надежда. Сама не понимаю, что произошло. (*Смеется.*) Напугала вас?

Марина. Разреши мне еще посидеть с вами.

Надежда. А вот этого не разрешу. Тебе пора спать.

Марина. Почему вы все считаете меня ребенком?

Надежда. Наоборот, сейчас я разговариваю с тобой как со взрослой. Ко мне и отцу пришел самый дорогой наш друг, который исчез с наших глаз еще до твоего рождения. Нам нужно о многом поговорить. И всякий человек, кроме нас троих, будет нам мешать. Ты не обиделась, дочка?

Марина (*поспешно*). Нет, мама, что ты! (*Обращается сразу ко всем.*) Спокойной ночи.

Все (*несколько вразнобой*). Спокойной ночи.

Тарасовна. Я немного прибрала, остальное сделаю утром. Коньяк в шкафчике.

Белогоров. Спасибо, Тарасовна. (*Достает коньяк.*) Выпьем, Кир? (*Наливает две рюмки.*) Тебе не предлагаю, Надя.

Надежда. Мне и не надо,

Кирилл. Твое здоровье, Надя! (*Пьет, ставит рюмку.*) Теперь спрашивайте – отвечу на любые вопросы.

Надежда. Ты в Москву насовсем?

Кирилл. Нет, приехал в отпуск. Живу на севере Якутии и, видимо, пробуду там еще несколько лет. Надо поднакопить денег, прежде чем вернуться к пенатам...

Надежда. Ты женат? А дети?

Кирилл. Женат, есть сын. Ему два года.

Надежда. Ты счастлив?

Кирилл. Как тебе сказать? Я об этом не задумываюсь. Возможно, это и значит быть счастливым.

Надежда. Кто твоя жена?

Кирилл. Она геолог, приехала к нам после окончания Ленинградского горного. Живем с Таней мирно, характер у нее как раз такой, какой нужен сумасшедшим мужьям.

Белогоров. Ты считаешь себя сумасшедшим?

Кирилл (*он опять рисуется*). Ну, нормальным меня мало кто посчитает – даже если я буду об этом просить. Тебя это удивляет?

Белогоров. Ты понимаешь, мы ничего не знаем о тебе с тех пор, как случилось это несчастье...

Кирилл. О тюрьме я уже говорил. Десять вычеркнутых из жизни лет – вот моя тюремная жизнь.

Белогоров. А Якутия? Ты был там семь лет?

Кирилл. Пошел восьмой. О Якутии можно говорить много, место интересное. Для любителей трудностей – испытательный полигон. Климатический, житейский, культурный. Для ясности: трудности я преодолеваю в общем без надрыва и паники, но люблю не слишком. При подходящем случае переберусь поближе к родному меридиану.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.